

Известия. — 2001. — 30 июня. — с. 8

Игра в дурака: черные начинают и выигрывают

«Замороченные» Спайка Ли на Московском фестивале

Негритянское кино малопривлекательно европейскому глазу: в нем белые прислуживают, кривляются и спят по помойкам с фингалами. Однако следует сознавать, что в отличие от прочей голливудской продукции оно не ориентировано на экспорт, а целиком адресовано белой Америке.

Денис ГОРЕЛОВ

Когда Спайк Ли был маленьким, в его стране негров вешали, жгли в церквях и били в лицо за пропуск обращения «сэр». Его окружало множество мулатов — не из-за терпимости к смешанным парам, а ввиду широко распространенных изнасилований черных милашек. Образованный индустриальный Север раздраженно терпел черномазую шваль — старый добрый аграрный Юг относился к ней, как в зоне к опущенным: с негром западло было рядом сидеть, ехать на одной площадке трамвая, близко подпускать детей и вносить в списки для голосования. Сто лет запрещенный Ку-клукс-клан, как встарь, объединял весь провинциальный истеблишмент и с удовольствием жег кусты, кресты и негритянские подворья.

Спайк Ли вырос и стал выдающимся черным провокатором. Выдумал слово «блэксплуатация», проклял дядю Тома, трушбонный рэп и прочих единокровных холуев и мартышек, восславил экстремистов черной самообороны — Малькольма Х и партию «Черные пантеры» — и стал вставлять в свои фильмы фоловые шуточки типа: «Дождется ль мы, о братья, когда увидим последнего белого на планете? Мы будем долго его

ловить, потому что это будет увертливая и ловкая каналья!» Белые терпят и утираются.

В последней, подлинно манифестальной картине режиссер руками героя, черного телепродюсера, возрождает шоу менестрелей — популярную балаганную комедь о жадных и примитивных нигтерах, клоунах и марионетках. В силу исторических обстоятельств цветной веками производил на белых впечатление законченного дегенерата: во избежание сговора, побега и неповиновения плантаторы на торгах набирали в прислугу и хлопковые артели разноязыких выходцев из дальних племен. Цветным приходилось общаться меж собой посредством распальцовки и десятка общеупотребительных слов на портовом английском, наглядно иллюстрируя теории о недочеловеках. Белый масскульт выделял четыре основные маски слабоумных негритосов: гнутый и вечно прилипсывающий лакей Джимми в полосатых штанах, которого до седин кличут «боем»; тучная ворчливая нянька Мамми в платке с хохляцким узлом на лбу; горой стоящая за любимых хозяев, пуганая и пискливая балаболка Милли в захватанном переднике, с двумя стоячими косичками и матерой думать с пальцем во рту; мерзкий и злокозненный полукровка Пинки в мятом цилиндре,

Так их изображал Геббельс. А так — афиши «Ревю-негр». Найдите десять отличий

с грязными помыслами и ножом в дырявом носке. Эти четверо вечно плясали, кудахтали, лазили на дерево, варили в котле баланду, кушали оплеухи от массы-надесмотрщика и служили мишенью для помидорного тира в передвижных шапито. Образ неполноценного дикаря охотно эксплуатировался кино- и телеэкраном: белые в черных ролях мазали лицо толченой жженой пробкой на кокосовом масле — лоснящаяся сажей физиономия стала столь привычной, что черных в ролях черных тоже заставляли ваксить рожу.

Пятьдесят лет спустя «снежки», «угольки», «гуталины» и «шоколадки» опять пришли на экран в вымышленной программе «Обезьяны из Алабамы». Оценить уровень издевки можно,

представив шоу «Четыре жиды», в котором дюжина московских евреев в накладных носах и всклокоченных париках станет в разгар прайм-тайма спаивать русский народ, обсуждать «Сагочку» и «кугочку», чуть заря лопать мацу, плясать ламцу-дрицу и плести мировой сионистский заговор, называя друг друга Зюней, Абрашкой и Мишенькой. Причем эффект будет меньше, так как в России подобная гнусь всегда оставалась полем уличного фольклора, никогда не прорываясь в официальную культуру. — Америка же, будучи страной реального народовластия, легко популяризировала ярмарочные представления охотнорядского дна.

Проделка черного Уленшпигеля очень быстро вырывается из-

под контроля, как чудовище доктора Франкенштейна. Задуманное как шутовская оплеуха наддресированному комильфотному обществу, старательно забывающему Луизиану-38 и Алабаму-62, шоу становится американским «Поле чудес». Негры покатываются, белые, поначалу не знаящие, как себя вести, мажутся гуталином и орут: «Я самый грязный ниггер на планете, скорее дайте мне пинка!» Юродство постмодернистской эры без труда гасит, приспособливает и конвертирует в дензнаки любой эпатаж. «Какая чудная игра!» — хором скандирует зал на вручении продюсеру всяких «Эмми», «Грэмми», «Джимми» и «Томми». Как и следовало ожидать, под конец в чудную игру включаются разъяренные общественные организации черных фанатиков. Солиста казнят в прямом эфире в лучших традициях белой сотни — паля под ноги и заставляя перед смертью досыта наплясаться степа. Негритянские маски на неграх-убийцах оборачиваются ку-клукс-клановскими капюшонами. Потом их всех расстреливает вызванный наряд полиции — тоже черного цвета. Мечта Спайка Ли, столь далекая от грез доктора Кинга, сбывается в его фильмах: белого там надо искать с фонарем, потому что он юркий, увертливый и в гуталине. А счастья все равно нет и нет.

Рикошетом пафос Ли частенько задевает европейскую Россию: что себе позволяет этот нацен? Напрасно. Это не про нас и не для нас. Мы не белые, а русские. Мы

не ходили по хлопковым делянкам с хлыстом. Нам трудно даже вообразить, что значит быть негром преклонных годов на джентльменском Юге в год засухи. Единственный черный раб Руси ушел в отставку пятизвездным генералом — до таких чинов не дослужился ни один Колин Пауэлл ни в одной самой толерантной белой армии. Так что счесть мистера Ли с родиной нас совершенно не касаются.

Он заканчивает фильм долгой нарезкой фрагментов старого кино, телеигр и мультяшек. Вот Ширли Темпл, серебряное горлышко южной конфедерации, бьет чечетку в окружении вихлявых черных дебилов. Вот Джуди Гарланд мажет рожу сажей. Бинг Кросби гримирует под черную дуру белую партнершу. Рисованный папуас прыгает через огромное кольцо, протоее в нос. Жирная мамми-гувернантка затягивает корсет на Скарлетт О'Харе. Негритянские дети, чавкая и урча, жрут арбуз. Негритянские взрослые, чавкая и урча, насилюют белую леди в «Рождении нации». Это новейшая, еще не истлевшая в труху история США. И как никого не коробит смирение, с которым Германия удовлетворяет растущие запросы потомков уничтоженных ею наций, никого не должно смущать унижение и покаяние белой Америки перед черной.

То, что она творила в течение ста пятидесяти из двухсот лет своей истории, во всем мире зовется фашистским беспределом. Пусть кается. Высып ей еще, Спайк.

30 июня 2001
Ли Спайк